

«НОЧНОЙ ДОЗОР»: КТО СТОЯЛ ВО ГЛАВЕ СМОЛЕНСКОГО ГОРОДСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ В 1609–1611 ГОДАХ?

Аннотация: В настоящей статье рассмотрены сведения о 10 ночных дозорных, выбранных из смоленской посадской среды 13 сентября 1609 г. в самом начале обороны Смоленска 1609–1611 гг.; в статье так же в этой связи освещаются структура смоленского городского ополчения в 1609–1611 гг. и борьба за острог в сентябре 1609 г.

Ключевые слова: «Ночной дозор», посадские люди, городское ополчение, Оборона Смоленска 1609–1611 гг., Андрей Белянинов.

«Ночной дозор» был создан в Смоленске по воеводскому указу в самом начале обороны 1609–1611 годов¹. Десять неслужилых горожан (посадских людей) были выбраны, чтобы возглавить ночное дежурство городских ополченцев во внешнем деревянном остроге за стенами каменной крепости в сентябре 1609 года. Именно они были лидерами городского ополчения, вождями-децемвирами для всех вооруженных смоленских горожан. «Ночной дозор» – так он и был назван в черновой версии воеводского указа². Вспоминается картина Рембрандта, посвященная городскому ополчению Нидерландов. В истории России был свой «ночной дозор» – тоже в XVII веке и тоже связанный с городским ополчением.

Всадники ночного дозора несли службу с середины и до конца сентября 1609 года, пока продолжалась оборона острога. Но 1 октября посадки были сожжены, и ополченцы ушли оборонять крепость. «Дозор» был окончен, но служба «дозорных» в осажденном городе продолжалась.

¹ Памятники обороны Смоленска. (1609–1611 гг.) / Под ред. Ю. В. Готье. М., 1912. С. 165.

² Рукопись указа, в которой назван «ночной дозор», см. Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). Handlingarfrån Smolensk. Serie 2:323.

Наша задача – сохранить имена децемвиrow и бережно собрать скудные сведения об их биографии. Документы смоленской обороны сохранились в Шведском Национальном архиве. В этих документах сохранились сведения почти обо всех десяти ночных дозорных. Эти сведения чрезвычайно важны, поскольку именно ночные дозорные были подлинными вождями смоленского городского ополчения в 1609–1611 годах.

Вопрос о вождях городского (посадского) ополчения в Смоленске давно нуждается в прояснении. И русские, и польские источники свидетельствуют, что именно смоленские посадские люди, то есть простые жители города, купцы и ремесленники, составляли основу гарнизона осажденной крепости, и они же были самыми решительными противниками капитуляции.

Смоленское городское ополчение из ремесленников и торговых людей в 2–3 раза превосходило по численности профессиональное войско: дворян и стрельцов. Именно горожане были расписаны на караулы на ключевых постах по башням крепости, именно они составляли большинство, как в войске, так и в земском совете.

Польские источники отмечают стойкость смоленских горожан, которые всегда поддерживали воеводу Шеина в решимости продолжать оборону. У горожан, несомненно, были свои лидеры, «лучшие люди», которые и стояли во главе ополчения. Однако биографии вождей смоленских горожан до сих пор не исследованы, и даже имена их не восстановлены.

На это есть свои причины.

Во-первых, у смоленского городского ополчения действительно не было одного яркого лидера, затемняющего собой общее собрание горожан.

Во-вторых, имена смоленских горожан почти не отразились в литературных памятниках: летописях, повестях о Смуте, записках иностранцев.

Между тем, у многих поколений исследователей сложилась инерция именно в повествовательных источниках искать имена исторических личностей. Эта инерция оказала влияние на исследователей смоленской обороны 1609–1611 годов. Из-за этого в исторических работах городское ополчение зачастую предстает однородной «массой» без заметных личностей во главе.

Историк смоленской обороны Владимир Петрович Мальцев был первым, кто уделил внимание смоленскому городскому ополчению 1609–1611 годов. Он сравнивал смоленское ополчение с нижегородским, а воеводу Шеина с князем Пожарским, однако выражал сожаление, что рядом с ним не заметно «Минина», то есть примечательного лидера из посадских людей: «Таким образом, хотя в Смоленске и оказался свой примечательный «Пожарский», но зато не нашлось «Минина». «Минин» растворился в огромной массе ремесленного люда».

На самом деле свои «Минины» в Смоленске, конечно же, были, но для того, чтобы их установить, потребовалась долгая и внимательная работа с документальными источниками. Результаты этой работы и будут представлены в данной статье³. В основу будут положены сведения о ночном дозоре, но прежде чем мы перейдем к его составу, нужно учесть и других руководителей ополчения – посадских старост, сотников и командиров башен.

Структура смоленского городского ополчения в 1609–1611 годах. В Смоленске начала XVII века посадскими людьми называли неслужилых городских жителей – как «торговцев», так и «ремесленников»⁴. К посадским людям не относились служилые люди – стрельцы и пушкари, даже если они занимались торговлей и ремеслом. Также из числа посадских людей в документах исключались жители «белых» слобод – монастырские и церковные слобожане.

Смоленскими посадскими людьми называли жителей семи городских предместий – посадов (сотен, полусох и концов), на которых распространялись налоги и повинности («государево тягло»), а также жителей Загороденской льготной слободы и Смоленского Яма.

Общими делами всех посадов ведали земские старосты (в Смоленске их было двое). Земские старосты в Смоленске исполняли должность в течение года – с 1 сентября по 31 августа. В 7118 (1609–1610) году земскими старостами были Лука Горбачев и Юрий Огопьянов⁵. В 7119 (1610–1611) году земскими старостами были Оксен Дюкарев и Данила Лешин⁶. От их имени издавались все распоряжения относительно смоленского городского ополчения. Из документов мы узнаем, что Данила Лешин уже был старостой (и не вторым, а первым) в апреле 1608 года⁷. Лука Горбачев пока что известен только по своей деятельности, как земский староста. Юрий Огопьянов упоминается как «торговый человек», ездивший по делам в Москву в одном из ранних следственных дел 1605 года⁸. Оксен Дюкарев в августе 1609 года был назначен головой ополчения на Пятницких воротах⁹. Под его началом оказались всего 34 человека из Новой льготной слободы, но сам участок был довольно значимый. После обороны Оксен Дюкарев подал слезную челобитную королю Сигизмунду с просьбой сохранить свои угодья¹⁰. Именно этот факт заставил В. П. Мальцева сожалеть, что в Смоленске не нашлось своего «Минина»¹¹. Однако земские старосты в Смоленске избирались из старых авторитетов (это особенно заметно на примере вторых старост Огопьянова и

⁵ Там же. С. 27, 37, 38, 41, 45, 68, 72, 74, 75. 82, 88, 101, 149–150, 165, 222.

⁶ Там же. С. 109, 115.

⁷ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ). Т. II. СПб., 1841. № 349. С. 417.

⁸ Там же. № 53. С. 63.

⁹ Там же. № 259, С. 310; Памятники обороны Смоленска... С. 157.

¹⁰ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 2. СПб. 1875. С. 702–703.

¹¹ Мальцев В. П. Борьба за Смоленск (XVI–XVII вв.) / под науч. ред. А. Савича. С. 337–338.

³ Мальцев В. П. Борьба за Смоленск (XVI–XVII вв.) / под науч. ред. А. Савича. Смоленск, 1940. С. 337–338.

⁴ Памятники обороны Смоленска...

Лешина) и не были лидерами военного времени. Гораздо больше оснований считать военными вождями ополчения децемвиров «ночного дозора», но к ним мы перейдем позднее.

У жителей Смоленского Яма, а также у многочисленных беженцев из Вязьмы и Дорогобужа были свои старосты.

В каждом из семи посадов¹² и в Новой слободе были свои сотники (от 1 до 4). Во время обороны каждый из посадов выделял от одного до четырех отрядов, под руководством сотника. Из них и создавалось городское ополчение¹³.

28 августа 1609 года отряды ополчения были расписаны по башням Смоленска – каждый посад и каждый отряд отвечал за свой участок крепостной стены¹⁴. Согласно августовской росписи, городское ополчение делилось на 18 отрядов во главе с сотниками:

Воскресенская сотня – 413 человек. В ней было четыре сотника: Ждан Прожирин (135 чел.), Богдан Пашков (124 чел.), Анания Белянинов (104 чел.) и Самуил Малышкин (50 чел.).

Городенская сотня – 397 человек. В ней было три сотника: Иван Мясник (197 чел.), Иван Возьмин (100 чел.) и Данила Кузьмин (100 чел.).

Вязовенская сотня – 312 человек. Три сотника: Иван Шапошник Копть (132 чел.), Ленка Кокин (91 чел.) и Степан Огрызков (89 чел.).

Воровская полусоха – 181 человек. Два сотника: Иван Хвостов (120 чел.) и Федор Власов (61 чел.).

Веденецкая полусоха – 122 человека. Два сотника: Ждан Кушнер (90 чел.) и Лука Пушников (32 чел.). Вместе с Лукой Пушниковым несли службу 11 торговых людей из Москвы.

Пятницкий конец – сотник Кондратий Мякшин Сапожник, 121 человек.

Крылошевская полусоха – сотник Василий Лучников, 116 человек.

От Загороденской новой льготной слободы пришли в городское ополчение 83 человека под началом сотника Павла Хлебникова.

Смоленский Ям дал ополчению 113 добровольцев («охотников») во главе со старостой Иваном Насоновым.

Несложно заметить, что смоленские посады делились на сотни и полусохы по населенности. Сотня была больше полусохы и была способна выставить примерно 300-400 человек. Полусоха была способна выставить менее 200 человек. Термин «конец» был устаревшим. Древнейшие концы – Пятницкий и Крылошевский – к концу XVII века по численности были равны полусохам. Но жители этих концов, похоже, сохраняли память о своем «первородстве» и не признавали превосходства новых и более населенных посадов. По этой причине Пятницкий конец удерживал традиционное название, не желая становится «полусохой». В Крестоприводной книге 1598 года их объединили вместе под заголовком «Крылошевской и Пятницкой сотни»¹⁵. Жители Новой слободы за Городней и Смоленского Яма имели какие-то льготы в отношении податей, поэтому делать выводы об их численности пока преждевременно.

В 1609–1611 годах в Смоленске находились посадские люди из Вязьмы и Дорогобужа, всего 585 человек¹⁶. Сведения об их службе отрывочны. В сентябре 1610 года вязмичи несли караул на Пятницком прясле, старостой у них был Осип Тумаев¹⁷.

За годы обороны состав смоленских сотников обновлялся. В июле-августе 1610 года продолжали исполнять должность воскресенские сотники Богдан Пашков и Самуил Малышкин, крылошевский сотник Василий Лучников¹⁸. Появились новые сотники:

В Воскресенской сотне – Ждан Голев, Андрей Митюшин.

¹² Сохранился рукописный перечень смоленских сотен и полусох. См.: Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:75.

¹³ Памятники обороны Смоленска... С. 151-158.

¹⁴ АИ. Т. II. № 259. С. 307-311.

¹⁵ Смоленская крестоприводная книга 1598 года / Публ. С. П. Мордовиной и А. Л. Станиславского // Источники по истории русского языка. М., 1976. С. 136; Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:75.

¹⁶ Памятники обороны Смоленска... С. 158.

¹⁷ Там же. С. 88, 97.

¹⁸ Там же. С. 214-216.

В Городенской сотне – Иван Кунга, Василий Чулок, Федор Завязочник, Петр Огопьянов.

В Вязовенской сотне – Неустрой Иванов, Михаил Шубников.

В Воровской полусохе – Онох (Онофрий, Ануфрий) Барышник.

В Пятницком конце – Иван Котельник¹⁹.

Для дежурства на крепостной стене городское ополчение разделили на 38 отрядов («приказов») – по числу башен крепостной стены²⁰. Каждый приказ занимал определенную башню и примыкающее к ней крыльцо. На каждой башне были свои начальники – головы, из дворян и из посадских людей. Количество человек в приказе, как и количество артиллерии, зависело от значимости башни. Более укрепленными людьми и орудиями были воротные и угловые башни. На таких башнях могли стоять по два дворянина и по два и даже по три головы из посадских людей. Дворянских голов перечислять в данном случае не обязательно, а приказными головами на основных воротах были посадские люди²¹.

На Днепровских (Фроловских) воротах (башня № 1): Степан Рогатников, Григорий Горохов, Михаил Хлебник. 53 человека Городенской сотни.

На Молоховских воротах (башня № 20): Борис Игнатьевич Пушников, Богдан Никитович Кушнеров, Тимофей Гаврилович Тиринов. 80 человек Пятницкого конца.

Авраамиевские ворота (башня № 10): Иван Полушин, Осип Лучанинов. 49 человек Веденецкой полусохи.

На Крылошевских воротах (башня № 5): Ермола Степанович Овчинников, Иван Шубников. 48 человек Городенской сотни.

Еленинские ворота (башня № 15): Фрол Суколенник, Федор Рожнов. 77 человек Воровской полусохи

Копытецкие ворота (башня № 26): Василий Петрович Черново, Парфен Масленник. 69 человек Воскресенской сотни.

Пятницкие ворота (башня № 35): Оксен Дюкарев (будущий земский староста) и Молчан Яичнин. 34 человека из Новой льготной слободы.

Пятницкие водяные ворота (башня № 37): Иван Иванович Мясник и Федор Закома. 31 человек смоленского яму охотников.

На глухих башнях и на некоторых воротах, обращенных к Днепру, было по одному посадскому голове (перечислим их по убыванию численности приказов):

На башне № 33 (новая): Иван Анохов. 66 человек Городенской сотни. На башне № 27: Третьяк Григорьевич Сныткин. 66 человек Воскресенской сотни. На башне № 9 (Городецкая башня): Захарий Осипов. 64 человека Городенской сотни и Веденецкой полусохи. На башне № 29: Иван Тиринов. 61 человек Везовенской сотни. На башне № 31: Ермола Масленник. 61 человек Везовенской сотни. На башне № 24: Меркуш Москаль. 57 человек Воскресенской сотни. На башне № 32: Тимофей Шапочник. 54 человека Везовенской сотни. На башне № 8: Федор Бровкин. 52 человек Городенской сотни. На башне № 28: Алексей Ермолович Масленник. 50 человек Воскресенской сотни. На башне № 18: Онофрий Степанович Корела. 50 человек Крылошевской полусохи. На башне № 34 (Никольская башня): Илья Кондратьевич Золотарев. 49 человек из Новой льготной слободы. На башне № 23: Осип Леонович Ужовкин. 49 человек Воскресенской сотни. На башне № 30: Данила Рожнов. 47 человек Везовенской сотни. На башне № 25: Иван Светило-Рыжик. 47 человек Воскресенской сотни. На башне № 21: Петр Вакорин. 45 человек Воскресенской сотни. На башне № 11 (Заалтарная башня): Беляй Печенкин. 44 человека Веденецкой полусохи и московских гостей. На башне № 13: Иван Голубец. 44 человека Воровской полусохи. На башне № 38 (Городецкая башня): Федот Федорович Захарьин. 43 человека смоленского яму охотников. На башне № 12: Матвей Чепелевников. 41 человек Веденецкой и Воровской полусохи. На башне № 19: Иван Моховцов. 41 человек Пятницкого конца. На

¹⁹ Там же.

²⁰ АИ. Т. II. № 259. С. 307-311; Памятники обороны Смоленска (1609–1611 гг.). С. 151-158.

²¹ АИ. Т. II. № 259. С. 311.

башне № 16: Семен Овчинников. 39 человек Воровской и Крылошевской полусохи. На башне № 36 (Иворовская башня): Иев Дюкарев. 39 человек смоленского яму охотников. На башне № 14: Роман Березнев. 38 человек Воровской полусохи. На башне № 3 (Лазоревские ворота): Семен Ивашутников. 37 человек Городенской сотни. На башне № 17: Аврам Данилович Черный. 37 человек Крылошевской полусохи. На башне № 4 (Крылошевская башня): Ждан Сидохин. 33 человека Городенской сотни. На башне № 22: Степан Горбачев. 30 человек Воскресенской сотни. На башне № 2 (Семеновская башня): Герасим Дмитриевич Жуков. 29 человек Городенской сотни. На башне № 6 (Стефанская башня): Сидор Скоробогатов. 26 человек Городенской сотни.

К земским старостам и некоторым сотникам иногда применялся термин «торговые люди»²², из чего можно заключить, что они принадлежали к более зажиточному кругу, чем простые ремесленники. Однако термин «торговые люди» употреблялся не вместо, а наравне с общим для купцов и ремесленников термином «посадские люди». Следовательно, торговцы и ремесленники не были противопоставлены друг другу, а возможно, и не были еще друг от друга отделены. И дело было не в том, что смоленское купечество не успело сформироваться за 500 лет политической истории города. В период войн за Ливонию (1558–1584 года) существовал привилегированный слой смолян – «гостей и купцов», которые торговали с англичанами, имели свой интерес в полоцкой торговле, а иногда становились агентами Посольского приказа. Почти никто из этих гостей и их потомков уже не жил в Смоленске в начале XVII века и совсем никто из смолян не имел чина купца или гостя. В XVI веке смоленские гости постепенно перебрались в Москву и стали столичными купцами или дьяками финансовых приказов. Конечно, свято место пусто не бывает, и в Смоленске появились новые торговые люди, но они за короткий срок не успели отделиться от основной массы «посадских людей». Поэтому различие между простыми ремесленниками, зажиточными

ремесленниками и торговыми людьми почти не прослеживается в смоленских документах. Только у некоторых горожан, чаще всего у незажиточных, можно определить происхождение и род занятий по фамилии. Следует заметить, что такие неименитые горожане-ремесленники нередко занимали должность сотников: Иван Мясник, Иван Шапошник, Ждан Кушнир, Кондрат Сапожник, Куприян Калачник и другие.

И сотники «полков», и головы «приказов», несомненно, были авторитетными людьми в смоленском городском ополчении. Однако подлинные лидеры обозначились позднее, в период борьбы за острог, вместе с появлением «ночного дозора».

Борьба за острог в сентябре 1609 года. В начале сентября 1609 года было решено перевести большую часть городского ополчения (1399 чел.), за пределы крепости – в острог. В крепости остались только 463 ополченца (по 10 человек на 35 башнях и 113 ямских «охотников» на 3 башнях)²³.

Острогом называли деревянные укрепления, существовавшие к северо-западу от крепости в Пятницком и в Крылошевском концах и за Днепром в Городенском конце. Острог, таким образом, занимал два берега Днепра и соединялся мостом у Фроловских ворот.

Гарнизон в остроге командовали смоленские дворяне Григорий Федорович Кокошкин и его товарищ Иван Юрьевич Жидовинов. В их отряде были посадские люди из Смоленска (1399 чел.), Вязьмы (304 чел.) и Дорогобужа (281 чел.), монастырские слобожане (91 чел.) и крестьянская «посоха»²⁴.

Похожий отряд из посошных крестьян (81 чел.) и монастырских слобожан (209 чел.) был и в Крылошевском конце, к северо-востоку от крепости, под началом у Ивана Битяговского²⁵.

Письменные и археологические источники сохранили мало сведений об остроге. Его четкие границы и характер укреплений довольно сложно определить.

²³ Там же. С. 151-158.

²⁴ Там же. С. 158.

²⁵ Там же.

²² Там же; Памятники обороны Смоленска... С. 158.

Несомненно, острог никак не мог сравняться по мощности с каменной крепостью Федора Коня. Почему же в острог перевели большую часть городского ополчения? С острогом посадские люди связывали возможность сохранить свои дворы, в основном расположенные за крепостной стеной. Об этом прямо писал смоленский подьячий Василий Таракан:

«Да грехом моим на посаде двор вызжен, и посудья и хлеба не мало погорела, потому что начаелись на острог, чаели в остроге сиденья».²⁶

Посадские люди «чаели в остроге сидения», поскольку надеялись уберечь дворы от сожжения при подходе неприятельских войск. Именно об этом с горечью писал подьячий Таракан. Несомненно, первоначальный план обороны крепости с опорой на острог отвечал интересам большинства горожан. Воевода Шеин был вынужден признать этот план, однако служилых людей (дворян и стрельцов) оставил при себе в крепости. Судя по источникам, оборона внешнего острога стала делом городского ополчения.

Первые неприятельские отряды появились у стен Смоленска 16 (26) сентября. За три дня до этого, 13 (23) сентября смоленские воеводы приказали земским старостам назначить конный отряд из десяти посадских людей для наблюдения за ночными караулами в остроге и за его пределами. Шестеро из них дозирали ночные караулы в самом остроге, а четверо – в Крылошевском конце²⁷.

Состав «ночного дозора» был утвержден подписью старосты Луки Горбачева. Старшим над караульной службой в остроге стал Осип Максимович Кирпичников. В его отряд входили Василий Степанович Кортышов, Андрей Афанасьевич Белянинов, Василий Дмитриевич Туренин, Ждан Минич Прожирин, Степан Романович Огрызков. Они должны были «ездить около

острогу для караулов и на выезд»²⁸. Им подчинялись только смоленские посадские люди и монастырские слобожане (1490 чел.), а вязмичи с дорогобужанами (585 человек) и даточные крестьяне оставались в подчинении у Григория Кокошкина и Ивана Жидовинова²⁹.

В Крылошевском конце был особый «ночной дозор», в который вошли Василий Денисович Колоколов, его брат Андрей Григорьевич, Андрей Васильевич Кошкин и Онофрий Гаврилович Барышник. Поскольку в Крылошевском конце не было посадских людей, то им подчинялись 209 монастырских слобожан, а крестьяне оставались под руководством Ивана Битяговского³⁰. Таким образом, под надзором у Колоколова со товарищи было в семь раз меньше ополченцев, чем в дозоре Кирпичникова.

Воеводский приказ о ночных дозорных в остроге гласил: «И им тех караулов по острогу по ночам доzirати, чтоб посадские люди на караулах были без ослушания по вся ночи по росписи сполна, где хто написан. А в которых местех и в которую ночь в остроге по короулам посадских людей не будет, и им про то велети сказывати боярину и воеводам Михайлу Борисовичу Шеину, да князю Петру Ивановичу Горчакову, да диаку Никону Олексееву»³¹. В такой же памяти для дозора Василия Колоколова со товарищи вместо посадских людей были названы монастырские слобожане³². Из документов следует, что ночные дозорные были всадниками и что у них было право непосредственного доклада воеводам (минуя старост).

Через три дня, 16 (26) сентября у Смоленска появились первые неприятельские отряды. В этот день за стенами крепости произошел бой между конными ротами казаков канцлера Сапеги и каштеляна Стадницкого (до 300 человек) и смоленскими пешими людьми с холодным оружием (вероятно, это были стражники городского

²⁶ Письмо подьячего В. И. Торокана из осажденного Смоленска в Москву в 1609 г. // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. В. И. Малышев. Т. 14. М.–Л., 1958. С. 276.

²⁷ Памятники обороны Смоленска... С. 165.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ АИ. Т. II. № 260. С. 312-313.

³¹ Памятники обороны Смоленска... С. 165.

³² АИ. Т. II. № 259. С. 307-311.

ополчения из острога). По данным польской стороны, казаки убили несколько (“kilka”) ополченцев и свыше десятка (“kilkanaście”) ранили; при этом у самих казаков только «одному руку прокололи бердышом, под другим конь убит» (“jednemu rękę przebito berdyszem pod drugim konia zabito”). Также людям Стадницкого удалось захватить в плен представителей духовенства (“czernca u kilku porow”). Первое же столкновение показало, что сил пешего городского ополчения недостаточно для защиты городских предместий.

19 (29) сентября к стенам Смоленска ездил сам коронный гетман Жолкевский, чтобы изучить расположение крепости и место для лагеря. Его люди гарцевали под самыми стенами крепости и подтвердили защитникам, что к Смоленску идет сам король с большим отрядом. Вечером того же дня смоленские жители начали жечь предместья. 21 сентября (1 октября) подошло королевское войско, и в тот же день посад (“miesto”) был сожжен окончательно³³.

В Записной книге смоленской избы сохранились сведения о том, как за один день приняли и привели в исполнение решение о сожжении городских предместий:

«Сентября в 21 день боярин и воевода Михаил Борисович Шеин, князь Петр Иванович Горчаков, диак Никон Олексеев с смоленскими старосты с Лукою Горбачевым да с Юрьем Огопьяновым и посадскими сотцкими и з десятцкими и со всеми посадцкими людьми говорили, как в осаде от литовских людей сидеть, в остроге или в городе. И только будет сидеть в городе, и от посаду городу великая поруха и утеснение будет.

И боярин и воеводы и диак с посадцкими старосты и посадцкими людьми приговорили смоленский посад весь сжечь для приходу литовских людей. И посад созжон того ж дни»³⁴.

Тремя днями позднее один из пленных рассказал в королевском лагере: «Мир под крестным целованием обязался не жечь

крепости, но воевода, видя великое королевское войско, встревоженный, речь к ним держал, что «никоим способом не могу и посада и крепости оборонять» (“у miasta у zamku bronić”); крикнули тогда все «жги, жги»; затем огонь в посаде заложили»³⁵.

Василий Колоколов, один из ночных дозорных, также рассказал в личном письме о сожжении острога: «А в Смоленску мы дворы вои все пожгли, потому что нашего изнужения в остроге не стало стоять, а с королем наряду много, снаряд все большой, а людей у нас ратных мало»³⁶.

Несомненно, участники ночного дозора также принимали участие в заседании, на котором принималось решение о судьбе острога, и весьма вероятно, что именно они руководили поджогом.

Покинув свои дома, отряды городских ополченцев ушли защищать каменную крепость и заняли свои места на башнях согласно первоначальной росписи от 28 августа³⁷. Укрепления Пятницкого острога какое-то время сохранялись, но были окончательно сожжены наемной немецкой пехотой во время штурма в ночь на 26 сентября (6 октября) 1609 года³⁸.

После сожжения острога в особом конном отряде уже не было необходимости. «Дозор» был окончен, однако сами дозорные продолжали служить в осажденной смоленской крепости. Настало время перейти к биографическим сведениям о них.

Сведения о всадниках «ночного дозора» в исторических источниках.

В настоящий момент мы можем восстановить не все, но только самые значимые биографии. Посадские люди были торговцами и ремесленниками, но в случае с ночными дозорными нет точных указаний на род занятий, торговлю или ремесло. Скучные сведения о ночных дозорных всё же позволяют утверждать, что они постоянно находились на руководящих постах в годы обороны.

О первым из ночных дозорных – **Осипе Кирпичникове** и о втором – **Василии**

³³ Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека. Том 1. СПб., 1872. Стб. 430-720.

³⁴ Там же. Стб. 446.

³⁵ Там же. Стб. 449.

³⁶ АИ. Т. II. № 354. С. 421.

³⁷ Там же. № 259. С. 307-311.

³⁸ Памятники обороны Смоленска... С. 31.

Кортышеве нет никаких дополнительных сведений. Осип Кирпичников был, несомненно, старшим среди ночных дозорных, но его имя впоследствии пропадает из источников. Василий Картышов упомянут в одном документе³⁹.

Из десяти дозорных двое – **Василий Туренин** и **Андрей Кошкин** поочередно исполняли должность таможенного головы. Они должны были следить за порядком в торговых делах и не допускать спекуляций. Таможенный голова Василий Туренин получил воеводское распоряжение о регламентации торговли хлебом 20 февраля 1610 года⁴⁰. Таможенный голова Андрей Кошкин упомянут 10 и 20 января 1611 года – получил указание продавать мед из казны (по «большой торговой цене») и деньги принести воеводам⁴¹. Других таможенных голов (кроме этих двух ночных дозорных) в Смоленске не известно. И это не случайно. Отвечать за таможенный порядок должны были решительные люди с лидерскими качествами.

Еще двое дозорных были сотниками в августе 1609 года: **Ждан Минин** (Прожирина) руководил одной из Воскресенских сотен на Крылошевских воротах и соседней башне (135 чел.)⁴², а **Степан Огрызков** – одной из Вязовеньковских сотен на Богословской башне (89 чел.)⁴³. Их отряды выделялись среди остальных сотен. Так, Воскресенская сотня была самой многочисленной из территориальных подразделений, а отряд Ждана Минина был самым крупным в этой сотне. Минин со своим полком стоял на юго-западном участке крепости – стратегически важных Крылошевских воротах (69 чел.) и на соседней с ней башне (66 чел.)⁴⁴.

Имя Ждана Минина сына Прожирина мелькает в источниках довольно часто. Именно он донес воеводе Шеину непригожие речи Ждана Баранова⁴⁵. Впоследствии он стал участником скандального дела о девке, которая якобы была заперта в его лавке⁴⁶.

Судя по фамилии, Ждан Прожирина происходил из сапожников, но в годы обороны владел своей лавкой.

«Полк» Степана Огрызкова был не так велик, но в отличие от других полков не делился между разными башнями, а полностью занимал Богословскую башню. Это был важнейший участок обороны на северо-западе крепости. Богословская башня была угловой и обращенной к Днепру. Здесь было больше всего горожан (89 человек, весь «полк» Огрызкова). Здесь находилась самая крупная Ругодивская пищаль. В июле-августе 1610 года происходила раздача хлеба голодным горожанам, и с этой целью вновь были учтены именные отряды внутри сотен. Про полк Степана Огрызкова сказано: «Вязовенской сотни Богословской башни»⁴⁷. Это единственный случай, когда не названо имя сотника, но отмечено, что «полк» занимает отдельную башню. Скорее всего, Стефан Огрызков погиб (или выбыл со службы по другим причинам) незадолго до хлебной раздачи летом 1610 года. Он служил и в «ночном дозоре» и командовал ополченским отрядом на самом важном участке обороны.

К лету 1610 года состав сотников обновился, и к этому времени сотником Воровской полусохи стал **Онофрий Барышник**⁴⁸. Жители Воровской полусохи были расписаны на юго-восточном участке крепости, возможно, отряд Онофрия Барышника стоял на Еленинских воротах и на соседней башне. Онофрий (Анох) Барышников в 1598 году целовал крест Борису Годунову и был занесен в крестоцеловальную книгу в раздел Воровской полусохи⁴⁹.

Больше всего сведений сохранилось о **Василии Денисовиче Колоколове**. Он был старшим в дозоре Крылошевского конца, он лично вел переговоры с литовскими людьми и передал отказ горожан от капитуляции, сохранилась его челобитная, личное письмо в Москву и несколько упоминаний в

³⁹ Так же. С. 100.

⁴⁰ Там же. С. 72.

⁴¹ Там же. С. 123, 127.

⁴² Там же. С. 156.

⁴³ Там же. С. 157.

⁴⁴ Там же. С. 156.

⁴⁵ Там же. С. 64.

⁴⁶ Там же. С. 73.

⁴⁷ Там же. С. 215.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Смоленская крестоприводная книга 1598 года / Публ. С. П. Мордовиной и А. Л. Станиславского // Источники по истории русского языка. М., 1976. С. 140.

документах⁵⁰. Его авторитет в осажденном городе не вызывает сомнения. Если он и не был первым в ночном дозоре, то быстро выдвинулся на первый план и стал ближайшим аналогом Кузьмы Минина для Смоленска. Василий Колоколов происходил из влиятельной семьи, был зажиточным человеком, в расцвете молодых сил. Его отец Денис Колоколов одним из первых записан в разделе «Крылошевской и Пятницкой сотни» в Крестоприводной книге 1598 года⁵¹. Сам Василий записан в той же книге на последнем месте⁵², вероятно, по причине молодого возраста, но к началу обороны он уже унаследовал от отца состояние и авторитет. Судя по всему, Колоколовы вели дело в том самом Крылошевском конце, который Василий Денисович и надзирал в сентябре 1609 года. Вместе с ним в ночном дозоре служили его брат Андрей Григорьевич и сосед Андрей Кошкин⁵³. **Андрей Колоколов** (в источниках иногда назван по другой фамилии – Глядов) в годы обороны служил на Авраамиевских воротах⁵⁴, а значит, относился не к Крылошевской, как его брат, а к Веденецкой полусохе. В отряде Василия Колоколова в Крылошевском, то есть восточном конце острога были представлены жители восточных посадов Смоленска (сам В. Д. Колоколов от Крылошевской сотни, его брат Андрей от Веденецкой и Онофрий Барышников от Воровской полусохи). Похоже, в Ночном Дозоре были подобраны представители всех концов и сотен Смоленска. Неизвестно происхождение Кирпичникова, Каргышева, Белянинова, Туренина и Кошкина, неизвестно, кто представлял Городенскую сотню, Пятницкий конец и Загороденскую слободу, но пятеро ночных дозорных (братья Колоколовы, Барышник, Огрызков, Прожирин)

представляли пять разных посадов Смоленска.

Также следует отметить связь Колоколовых со смоленскими гостями времен Ливонской войны. Скорее всего, братья Колоколовы происходили от участника Земского собора 1566 года, смоленского гостя Алексея Колокола. Брат Василия Андрей Григорьевич мог быть потомком (по женской линии) известного гостя и агента посольского приказа Афанасия Глядова.

После сожжения острога Василий Колоколов жил с семьей на реке Рясне⁵⁵. 4 (14) октября польско-литовская сторона предложила провести мирные переговоры, и на другой день, 5 (15) октября под стенами крепости встретились представители враждующих сторон. От королевского лагеря держал речь мещанин Богдан Велижанин⁵⁶. Делегацию от осажденного города возглавлял Василий Денисович Колоколов⁵⁷. На другой день, 6 (16) октября к Богдану Велижанину снова вышли горожане и сказали, что остаются верны своей изначальной клятве – не сдавать крепость. Вскоре из Смоленска отправили целую кипу донесений и личных писем вместе с архиерейским дворянином Григорием Мешаевым и посадским подьячим из Дорогобужа Иваном Мостининым⁵⁸. По дороге гонцы были схвачены, и все частные и коллективные письма оказались в руках поляков (и, возможно, благодаря этому дошли до нас)⁵⁹. Среди этих писем сохранилось ценнейшее послание от Василия Колоколова («Васьки Денисова») к Леонтию Жукову в Москву⁶⁰. В послании Колоколова описаны первые дни обороны, сожжение острога, обстрелы города и его личное участие в переговорах. В конце письма Василий поручает Жукову своих детей («кто ребяенок останется»)⁶¹. За этими словами чувствуется осознание возможной гибели за

⁵⁰ АИ. Т. II. № 354. С. 421-422; Памятники обороны Смоленска (1609–1611 гг.). С. 63, 64, 106, 165,

⁵¹ Смоленская крестоприводная книга 1598 года. С. 136.

⁵² Там же. С. 139.

⁵³ Памятники обороны Смоленска... С. 165.

⁵⁴ *Епифановский П. В.* Челобитные смолян смоленским воеводам 1609-1610 гг. по вопросам социального обеспечения // Известия Смоленского государственного университета. № 3 (23). 2013. С. 184.

⁵⁵ Памятники обороны Смоленска... С. 64, 106.

⁵⁶ Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года. Стб. 459.

⁵⁷ АИ. Т. II. № 354. С. 421-422.

⁵⁸ Там же. № 267. С. 319.

⁵⁹ Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года. Стб. 464.

⁶⁰ АИ. Т. II. № 354. С. 421-422.

⁶¹ Там же. № 354. С. 421-421.

время осады. Заодно Василий Колоколов попросил поддержать Ивана Мостинина: «А пошел с грамотами Иван Мостинин: и ему либо какая нужда станет, и вы его не покиньте, ссудите его, как мочно»⁶². Сам Иван Мостинин был взят в плен (в королевском дневнике он прямо назван подьячим), но впоследствии вернулся в Смоленск и помогал Андрею Колоколову Глядову составить кабальную грамоту. Хотя он и назван жителем Дорогобужа, однако его вполне можно рассматривать как человека, близкого к семье Колоколовых. Не исключено, что Василий Колоколов повлиял на выбор гонца, который должен был доставить не только его личное послание, но и грамоты от горожан к царю с просьбой о помощи.

За свою активность в организации обороны Василий Колоколов пользовался доверием воеводы Шеина и часто обращался к нему за решением хозяйственных вопросов. Лидер смоленских горожан был зажиточным человеком, и в голодное осадное время ему часто приходилось сталкиваться с воровством. Здесь ничего не поделаешь, вся история соткана из таких противоречий. С попыткой обворовать свой двор Василий Колоколов столкнулся 28 января 1610 года⁶³. Но он был начеку, собрал понятых (земского нарядчика и четырех попов) и вместе с Андреем Кошкиным поймал вора на выходе со двора с мешком овса. Похититель был связан вместе с мешком и доставлен к воеводам на допрос. Ночным грабителем оказался крестьянин Абрамка Семенов. Он жил в яме на дворе у попа Леонтия. По его словам, он шел набрать воды из колодца на Рысье, а Колоколов поймал его, связал и прицепил мешок насильно. Но понятые, конечно, подтвердили правоту Василия Колоколова и скрепили расспросные речи своими подписями.

Новое дело о краже произошло в октябре 1610 года. На этот раз сразу несколько «татей» прокрались во двор к Колоколову в ночь с четверга на пятницу. Василий Колоколов в это время был у пролома, сделанного большими пушками в западной стене у Копытецких ворот. Когда он

услышал о краже и прибежал домой, сказано в документе, «те тати у него со двора побежали, и он-деи Василей за теми татями гонял и угонил того татя, незнаемого человека в Пятницких ворот, а товарищи его разбежались»⁶⁴. На допросе пойманный тать (им оказался холоп из дома Корсаковых Григорий Акулов) сказал, что его поймали по ошибке, а сам он шел по поручению хозяйки.

Эти случаи показывают Василия Колоколова крепким хозяином, берегущим свое добро. Может показаться забавным, что лидер городского ополчения убегает с ночного караула ловить воров и гоняется за ними спозаранку по всему осажденному городу. Но в деяниях исторических личностей могут быть самые неожиданные повороты. К тому же надо помнить, что Василий Колоколов стоял у пролома не как обычный ополченец, а как организатор караулов. И его побег не рассматривался как нарушение – он сам сообщил об этом воеводам, когда привел захваченного татя на допрос. Более того, хотя воры пришли к нему не в первый раз, всё же в эту ночь он оставил зажиточный дом без сторожей, а сам был там, где и должен был быть вождь смоленских горожан – стоял с караульными у пролома.

Последний раз Василий Колоколов упомянут в деле о непригожих речах 16 ноября 1610 года. В этот день в Разряд пришли «посадские старосты Оксен Дюкарев да Данила Лешин, да посадский человек Василий Колоколов»⁶⁵ и сообщили воеводами, что дворянские холопы говорят между собой о том, как они не хотят сидеть в осаде («и в осаде деи им не сидеть и за мужиков не битца»). По их словам, холопы планировали диверсию во время штурма. Воеводы организовали расследование. В этот раз Колоколов действовал уже вместе с посадскими старостами, а возможно, он был по факту первым в делегации и сам организовал старост пойти к воеводе для расследования изменных речей.

В шведском архиве сохранился один неопубликованный документ с именем Василия Колоколова. Это – фрагмент переписи хлебных запасов и состава семьи

⁶² Там же. С. 422.

⁶³ Памятники обороны Смоленска... С. 64-65.

⁶⁴ Там же. С. 106.

⁶⁵ Там же. С. 115.

смоленских горожан. Из него мы узнаем, что «у Василия Колоколова ржи четь с осъм, а у семье: он Василей с женою, да дочь, 2 жонок, да девка»⁶⁶. Если в своем письме Василий упоминал о детях («кто ребяенок останется»⁶⁷), то теперь состав семьи сократился до жены и всего одной дочери. От недостатка соли в осаде развивались болезни, от которых дети гибли прежде всего.

В том же документе рядом с Василием Колоколовым – семья Андрея Кошкина. «У Ондreja Кошкина ржи чети с три, а у семье сам Ондрей с женою, да дочь, да жонка, да малой»⁶⁸. Андрей Кошкин был соседом и постоянным спутником Василий Колоколова, его правой рукой. Вместе они служили в ночном дозоре, вместе подкараулили татей, у Кошкина с семьей Колоколовых был общий фруктовый сад⁶⁹. В 1611 году Андрей Кошкин стал таможенным головой – скорее всего, в этом проявилось влияние Василия Колоколова в смоленском посаде.

У Василия Колоколова, как у любого влиятельного человека, была своя свита из близких соратников. В этой свите был его брат Андрей Григорьевич Колоколов Глядов, а также гонец Иван Мостинин и другие горожане. С именем Андрея Глядова связано дело о попытке насильно закабалить Марью Наумову в холопы⁷⁰. Дело это возникло в самом конце осады, в мае 1611 года. Марья-Любка сама явилась к смоленским воеводам и сообщила, что Андрей Колоколов призвал ее в вербное воскресенье «на время воды носить добродетелью» и обещал платить по рублю в неделю. Однако когда Марья-Любка пришла за оплатой, он будто бы сказал: «ей Марьице от него даром не отделаться, есть де на нее и запись»⁷¹. То есть пригрозил, что у него есть кабальная запись на Марью, после чего она решила обратиться к смоленским воеводам. Сам Андрей на допросе у воевод

предложил другую версию. По его словам, Любка жила в его семье с Масленицы, а примерно через месяц, в вербное воскресенье дала на себя кабальную запись. Из показаний Андрей Колоколова следовало, что до седьмой пятницы после Пасхи, то есть почти три месяца Любка жила у него, а затем сбежала и унесла 18 рублей и жемчуга. У Глядова была с собой запись, по которой Любка отдавалась в кабальное холопство на три года⁷².

В записи были указаны свидетели («послухи») Лукьян Гладильников, Иван Овдюшин и Михаил Попов, а составил запись дьяк Иван Мостинин. Казалось бы, на стороне Андрея был документ с подписями свидетелей. Однако вскоре выяснилось, что двое из трех послухов, а также дьяк Иван Мостинин, умерли в осаде. Но свидетель Гладильников подтвердил свою подпись⁷³. К сожалению, на его показаниях дело обрывается, оставляя перед исследователями еще одну загадку. Сейчас, конечно, невозможно установить, у кого было больше правды в этом конфликте. Однако показания Марьи-Любки кажутся убедительными уже потому, что она сама явилась к воеводам с жалобой. Это мало вяжется с обвинениями не только в побеге, но и в краже. Несмотря на низкий социальный статус Марьи-Любки, сама она проявила решительность в отстаивании свободы, а воевода Шеин взялся подробно разбирать это дело. На стороне Андрея Колоколова – документ и показания свидетелей, однако в правдивости этого документа мы не можем быть уверены, к тому же подписи самой Любки на нем нет (вероятно, она не была грамотной)⁷⁴.

Дело это подтверждает, что и братья Колоколовы и Иван Мостинин действовали в команде – и при отправке грамот из Смоленска, и при решении личных дел. Правда, сам Василий Колоколов в деле о Марье-Любке не упоминается. Возможно, он, как и Иван Мостинин, не дожил до конца осады. Не забудем, что он стоял на карауле в самом опасном месте, у пролома.

⁶⁶ Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:381.

⁶⁷ АИ. Т II. № 354. С. 421.

⁶⁸ Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:381.

⁶⁹ Епифановский П. В. Челобитные смолян смоленским воеводам 1609-1610 гг. по вопросам социального обеспечения. С. 184.

⁷⁰ Памятники обороны Смоленска... С. 131-134.

⁷¹ Там же. С. 134.

⁷² Там же. С. 133.

⁷³ Там же. С. 134.

⁷⁴ Там же. С. 133.

Исследование документов, связанных с Василием Колоколовым и его свитой, помогает нам выявить круг влиятельных горожан – руководителей смоленского ополчения. Однако среди ночных дозорных был человек не менее значимый и более близкий к воеводе Шеину.

Андрей Афанасьевич Белянинов – третий в списке ночного дозора и личность легендарная...

Весьма вероятно, что именно он известен в русских и польских нарративах как «Андрей Беляницын» и «мещанин Белавин, большой приятель воеводы Шеина». Известно, что последние защитники Смоленска взорвали себя в Успенском соборе во время последнего штурма. Так смоляне выполнили свой обет, о котором еще в начале осады писали в грамотах к царю Василию и к дворянскому войску:

«Мы здесь, в Смоленску, с служилыми людьми и со всеми православными крестьяны обещались к Господу Богу и Пречистой Богородицы и к угодникам Ее Меркурию и Авраамию и Ефрему и всем святым, что нам за дом Пречистыя Богородицы и за государя, царя и великого князя, Василия Ивановича всея Руси, за его крестное целование, *и за ваши жены и дети и за всё православное христианство в дому у Пречистой Богородицы помереть* и города не сдать и литовскому королю не поклониться»⁷⁵.

В некоторых источниках уточняется, что порох под храмом зажег один конкретный человек. «Новый летописец» говорит о тех событиях: «Последние же люди запрошася у Пречистые Богородицы в соборной церкви. Един же смольянин кинулся в погреб. Погребу же бывшу под тем соборным храмом с пороховой казной и то зелье зажгоша, и храм соборной Пречистой Богородицы разорвася и людей всех побиша, кои в церкви были»⁷⁶.

В двух источника названо имя посадского человека, который осуществил взрыв собора и сам погиб. Однако в обоих его имя оказалось искажено.

⁷⁵АИ. Т. II. № 265. С. 317.

⁷⁶Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Том XIV. М., 2000. С. 111.

В «Повести о победах Московского государства» о взрыве на Соборной горе сказано:

«Королевския же люди у церкви двери высекоша и начаша людей сеци и живых брати. Архиепископ же взем честный крест и поиде во всем святителском сану против иноверных. Онии же, окаянии, главу ему разсекоша и жива взяша, людей же много посекоша и побраша.

Некто же посацкой человек в Смоленске, именем Андрей Беляницын, видя иноверных, побивающих народов, взем свещу, и поиде под церковь, и опалив бочки с пушечным зелием многу казну. И бысть трус велий, и множество людей во граде и за градом, русских и польских людей, побиша. Та же великую церковь, верх и стены ея, разносиша от многаго пушечнаго стреляния. Король же польский страхом велиим ужасеся и многое время во град сам не входил»⁷⁷.

Итак, автор «Повести» назвал человека, подпавшего порох с помощью церковной свечи, – Андрей Беляницын.

Несколько по-другому его имя названо в письме участника осады, поляка Вихровского – с его слов, порох поджег «некий Белавин мещанин...и сам там сторел, поскольку его там нашли сожженного»⁷⁸. Вихровский ссылался на мнение самих москвитов, то есть пленных смолян. В том же источнике сказано, что «мещанин Белавин» был «большой любимец» воеводы М. Б. Шеина.

Правильный вариант имени следует искать в документах смоленской обороны 1609–11 годов. Было бы странно, если в этом обширном комплексе источников ни разу бы не упоминался близкий приятель смоленского воеводы.

Андрей Афанасьевич Белянинов, один из десяти всадников ночного дозора, вероятно, и есть тот, кого источники называли как поджигателя пороха во время взрыва собора. Других схожих имен и фамилий в актовом материале не встречается.

⁷⁷Повесть о победах Московского государства. Публ. Г. П. Енин. Л., 1982. С. 27.

⁷⁸Каширодский Е. И. Учреждение Смоленской епископии // Сборник Историко-филологического общества при Институте князя Безбородко в Нежине. Киев, 1896. С. 160.

В «Повести о победах» Белянинов назван по имени – Андрей, а его фамилия передана как «Беляницын». По-видимому, автор «Повести», хоть и сам был смолянином и современником событий, но с Беляниновым не был знаком и передал его имя с чужих слов.

В письме Вихровского фамилия Белянинова подверглась еще большей трансформации: Белянинов-Белянин-Белавин. Вероятно, на искажение имени повлияли особенности латинской палеографии позднего средневековья. Обычное беглое письмо того времени делало возможной путаницу между буквами n и w⁷⁹. Такая же особенность характерна и для польских документов из архива Радзивиллов при написании имен смоленских дворян⁸⁰.

Замена n на w могла произойти как в результате нечеткого письма, так и после неправильного прочтения текста публикатором. Окончательные выводы можно будет сделать после изучения рукописного подлинника письма Вихровского.

Во всяком случае, из всех документально известных участников смоленской обороны на роль мещанина Белавина подходит только Андрей Афанасьевич Белянинов. Поэтому обстоятельства его биографии вызывают особенный интерес. Не так часто в актовых материалах удается встретить персонажа героической легенды.

Род занятий Белянинова до начала осады неизвестен. Скорее всего, он был младшим представителем одного из видных посадских родов в Смоленске. Сам Андрей Афанасьевич всего два раза упомянут в документах, зато его родственник Анания Семенович Белянинов известен как сотник у посадских людей Воскресенской сотни.

В документах Андрей Белянинов упомянут всего дважды. Первый раз – как участник Ночного дозора⁸¹. Второй раз – как понятой по делу о разделе наследства

горожан Ивашениновых⁸². Он так и остался в истории как легендарный героический образ. Его яркая гибель и загадочная дружба с боярином и воеводой Шеиным показывает, что Белянинов был человек отчаянный и готовый пойти до конца в деле обороны Смоленска. Вероятно, Михаил Борисович Шеин мог полагаться на его храбрость и верность при выполнении опасных заданий, в том числе для руководства боевыми группами посадских людей, а также для борьбы с неприятельскими подкопами.

Мы рассмотрели сведения о десяти ночных дозорных, назначенных воеводским указом от 13 сентября 1609 года. Приведенные факты показывают, что в ночной дозор избрали влиятельных организаторов смоленской обороны. Воеводский указ от 13 сентября 1609 года – ценнейший источник для изучения вождей городского ополчения Смоленска в 1609–1611 годах.

Данная статья посвящается памяти моего учителя – профессора Юрия Георгиевича Алексева (1926–2017).

⁷⁹ Люблинская А. Д. Латинская палеография. М., 1969. С. 163-164.

⁸⁰ Archiwum Głowne Akt Dawnych, Archiwum Radziwillow. Dz. 2. Suppl. № 250, № 252.

⁸¹ Памятники обороны Смоленска... С. 165.

⁸² Там же. С. 101.

Библиография

Источники:

- Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. II. СПб., 1841.
Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Том XIV. М., 2000.
Памятники обороны Смоленска (1609–1611 гг.). / Под ред. Ю. В. Готье. М., 1912.
Письмо подьячего В. И. Торокана из осажденного Смоленска в Москву в 1609 г. // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. В. И. Малышев. Т. 14. М.–Л., 1958.
Повесть о победах Московского государства. Публ. Г. П. Енин. Л., 1982.
Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека. Том 1. СПб., 1872.
Смоленская крестоприводная книга 1598 года / Публ. С. П. Мордовиной и А. Л. Станиславского // Источники по истории русского языка. М., 1976.
Челобитная Аксентия Дюкарева // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1875.
Archiwum Głowne Akt Dawnych, Archiwum Radziwillow. Dz. 2.
Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:75 [Список смоленских сотен].
Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)].
Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:323 [Воеводский указ о создании острожного ночного дозора].
Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). HandlingarfrånSmolensk. Serie 2:381 [Отрывок перечня смоленских хлебных запасов].

Литература:

- Епифановский П. В. Челобитные смолян смоленским воеводам 1609–1610 гг. по вопросам социального обеспечения // Известия Смоленского государственного университета. № 3 (23). 2013.
Кашипродский Е. И. Учреждение Смоленской епископии // Сборник Историко-филологического общества при Институте князя Безбородко в Нежине. Киев, 1896.
Люблинская А. Д. Латинская палеография. М., 1969.
Мальцев В. П. Борьба за Смоленск (XVI–XVII вв.) / под науч. ред. А. Савича. Смоленск, 1940.

Сведения об авторе

Молочников Александр Михайлович, кандидат исторических наук, г. Санкт-Петербург (Россия). Область научных интересов: история Смуты, история Московской Руси, история дворянства XVI–XVII веков, оборона Смоленска 1609–1611 гг.

E-mail: almolochnikov@yandex.ru.

A. M. Molochnikov

“NIGHT GUARD”: WHO WAS IN THE HEAD OF THE SMOLENSK CITY MILITIA IN 1609–1611?

Annotation: This article examines the information about 10 night patrols selected from the Smolensk Posad environment on September 13, 1609, at the very beginning of the defense of Smolensk in 1609–1611; in the article, in this regard, the structure of the Smolensk city militia in 1609–1611 and the struggle for the prison in September 1609 are also considered.

Keywords: “Night guard”, townspeople, city militia, Defense of Smolensk 1609–1611, Andrey Belyaninov.

References

Sources:

Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei [Historical acts, collected and published by the Archaeographic Commission]. Vol. II. St. Petersburg, 1841.

Novyi letopisets [New chronicle]. Polnoe sobranie russkikh letopisei. Vol. XIV. Moscow, 2000.

Pamyatniki oborony Smolenska (1609–1611 gg.). [Monuments of the defense of Smolensk. (1609–1611)]. Edited by Yu. V. Gotye. Moscow, 1912.

Pis'mo pod'yachego V. I. Torokana iz osazhdennogo Smolenska v Moskvu v 1609 g. [Letter from pod'yachii V. I. Torokan from besieged Smolensk to Moscow in 1609]. Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. Akademiya nauk SSSR. Institut russkoi literatury (Pushkinskii Dom); Otv. red. V. I. Malyshev. Vol. 14. Moscow-Leningrad, 1958.

Povest' o pobedakh Moskovskogo gosudarstva [A story about the victories of the Moscow state]. Published by G. P. Yenin. Leningrad, 1982.

Pokhod yego korolevskogo velichestva v Moskvu [Rossiyu] 1609 goda [Military campaign of His Royal Majesty to Moscow [Russia] in 1609]. Russkaya istoricheskaya biblioteka. Vol. 1. St. Petersburg, 1872.

Smolenskaya krestoprivodnaya kniga 1598 goda [Smolensk cruciform book of 1598]. Publ. S. P. Mordovinoi i A. L. Stanislavskogo. Istochniki po istorii russkogo yazyka. Moscow, 1976.

Chelobitnaya Aksentiya Dyukareva [Petition of Aksenty Dyukarev]. Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavayemaya Arkheograficheskoi komissiei. Vol. 2. St. Petersburg, 1875.

Archiwum Glowne Akt Dawnych, Archiwum Radziwillow [Central Archives of Historical Records, Radziwill Archives]. Dz. 2.

Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). Handlingarfrån Smolensk. Serie 2:75 [List of hundreds of Smolensk].

Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). Handlingarfrån Smolensk. Serie 2:250 [Notebook of the Smolensk category (voivodship hut)].

Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). Handlingarfrån Smolensk. Serie 2:323 [Provincial decree on the creation of a cautious night watch].

Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övrigabestånd). Handlingarfrån Smolensk. Serie 2:381 [Excerpt from the list of Smolensk grain reserves].

Researches:

Yepifanovskii P. V. Chelobitnyye smolyan smolenskimi voyevodami 1609–1610 gg. po voprosam sotsial'nogo obespecheniya [petitions from Smolensk commanders of 1609–1610 on social security issues]. Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013 No. 3 (23) (In Russian).

Kashprodskii E. I. Uchrezhdenie Smolenskoj episkopii [Establishment of the Smolensk Episcopate]. Sbornik Istoriko-filologicheskogo obshchestva pri Institute knyazya Bezborodko v Nezhine. Kyiv, 1896. (In Russian).

Lyublinskaya A. D. Latinskaya paleografiya [Latin paleography]. Moscow, 1969. (In Russian).

Mal'tsev V. P. Bor'ba za Smolensk (XVI–XVII vv.) [The struggle for Smolensk (XVI–XVII centuries)]. Edited by A. Savich. Smolensk, 1940. (In Russian).

About the author

Molochnikov Alexander M., PhD in History, St. Petersburg (Russia).

E-mail: almolochnikov@yandex.ru